

1968 –1988 -2008. СУДЬБЫ ИДЕЙ

Вступление

Ольга Здравомыслова

В 2008 году в мире довольно широко отметили 40-летие событий 1968-го. Хотя в России и Европе разная память о том времени, нас объединяет вопрос: существует ли связь и, возможно, преемственность между периодами истории, обозначенными тремя датами и разделенными двумя двадцатилетиями ?

1968 год. Вспыхнувшие революционные события в Европе, кризис либеральной и социалистической идей, начало современной истории Запада. В этом году происходят поворотные события в Советском Союзе, связанные, прежде всего, с реакцией на «Пражскую весну» (и косвенно, на «европейский» 1968-й), вводом войск в Чехословакию, началом «застоя» - и началом диссидентского движения.

1988 год. Для Советского Союза он был своего рода отложенный 1968-й. 1988-й называют еще решающим годом Перестройки, когда была ясно сформулирована ее магистральная линия на демократизацию, преодоление тоталитарного прошлого, построение правового государства – и когда началась открытая идейная борьба между реформаторами и охранителями, борьба за выбор исторического пути.

2008 год. Предварительный итог пути, пройденного новой Россией за двадцать лет, когда все более настоящими становятся вопросы об отношении к прошлому, преемственности с советским и постсоветским периодом, а главное, ориентирах на будущее.

Таков - очень кратко - общий контур нашей сегодняшней темы.

Выступления в дискуссии

Арсений Рогинский: *68-й заставил нас задавать себе самые главные вопросы: как жить дальше? можно ли что-то делать? нужно что-то делать?*

Мое поколение часто называют поколением 1968 года - в 68-ом мне было 22 года. Еще чаще нас называют «детьми 1968 года». Да и мы сами привыкли себя так называть.

Только недавно я задумался: а, собственно говоря, почему? Потому что, если мы дети 68-го в том смысле, в каком понимают это слово на Западе, то значит в этом году мы должны были бы задавать «неудобные вопросы» родителям, а потом, не получая удовлетворительных ответов, уходить из дома, становиться ужасно левыми и даже, может быть, обливать бензином родительские машины. Но ничего подобного не было. И не только потому, что у родителей, как правило, не было машин. Еще и потому, что неудобные вопросы, если и задавали, то задавали наши старшие братья и сестры, - это было после 56-го, а не после 68-го. Мы же не уходили из дома и, в основном, даже не стали левыми. Так что в «западном» смысле мы – не дети 68-го.

Если рассуждать с позиций «российского» смысла, то получается, что в этом году нам было положено разочароваться то ли в Советской власти, то ли в «социализме с человеческим лицом». Но мне кажется, что подобное разочарование, скорее всего, испытало предыдущее поколение, а вовсе не мы. Потому что для моего поколения «очарованность» социализмом была исчерпана арестом Бродского в 1963-м, Синявского и Даниэля в 1965-м, очень важным для нас всех письмом Солженицына Съезду писателей в 1967-м, наконец, процессом Гинзбурга-Галанскова в начале 1968-го.

Я заканчивал университет в 1968-м. Мы пели песни Галича, и в них уже были расставлены все точки над «и». Главное слово 1968-го – «Прага» – само по себе ничего не поменяло в сознании моего поколения. Так что получается, что для моего поколения 1968 год переломным вроде бы не был.

И все-таки он был переломным. Не танки в Праге, а демонстрация 25 августа на Красной площади, не действия вождей, а «Хроника текущих событий», которая начала издаваться в 1968 году - вот что очень сильно и по-настоящему подействовало на нас.

68-й заставил нас задавать себе самые главные вопросы: как жить дальше; можно ли что-то делать; нужно что-то делать? То есть вопросы, связанные с участием или неучастием. И еще - моральные вопросы: за что уважать себя и других? где границы компромиссов? Вот на эти вопросы мы - каждый по-своему- пытались отвечать. И кажется, только в 1988-м ответы были более или менее ясны. А что касается сегодняшнего дня, то опять встают те же самые вопросы - вопросы 68-го.

Именно поэтому, кажется мне, мое поколение ощущает причастность к 68-му, поэтому мы и вправду его дети. Мы его плохо помним, этот наш 68-й, плохо его знаем. Надеюсь, что сегодняшний разговор будет каким-то образом содействовать нашему пониманию и нашей памяти.

Ральф Фюкс: *Мы находимся сейчас в историческом промежутке, когда демократическая трансформация застопорилась не только в России.*

1968 год и 1988 год - для меня также биографические даты. Как и для Арсения Рогинского, для меня – это важные, личные политические и исторические факты, воспоминания и соображения. 1968-й и 1988-й год – были годами крупного политического всплеска в Европе, связанные с большими надеждами на лучшее будущее. 1968 год – это год антиавторитарного восстания, освободительного движения на Западе, которое приобретало все более широкий размах. В Восточной Европе это было движение в Варшаве и «Пражская весна». Открытые выступления правозащитников в Советском Союзе можно рассматривать как преддверие крупных событий, которые осуществились позже, в 1988-м году.

Прага 1968-го не только имела свое специфическое значение для стран и обществ социализма. Прага 1968-го была также определенной разделительной линией между левой Западной Европой для тех, кто, как я, тогда тоже был молод и симпатизировал идее «социализма с человеческим лицом». Советский Союз положил конец этой идее, введя войска Варшавского Договора в чехословацкую столицу. Я лично могу сказать, что для меня чрезвычайно большая честь здесь находиться рядом с господином Горбачевым. И возможно именно в России необходимо сказать, что, действительно, бессмертная заслуга господина Горбачева, состоит в том, что империя смогла прекратить свое существование бескровно, что закончилась бескровно холодная война и была открыта дорога для демократического развития восточноевропейских государств.

Сегодня мы проведем ретроспективное рассмотрение идей и надежд 1968 года и 1988 года. Мы посмотрим на идею «общеевропейского дома» и призыв к «новому политическому мышлению», которое преодолевает конкуренцию систем.

Я надеюсь, что сегодня необходимо еще раз вспомнить об этих импульсах, поскольку 2008-й год – это, скорее, год отрезвления. Мы находимся в таком историческом промежутке, когда демократическая трансформация застопорилась не только в России. Мы наблюдаем развитие новой конфронтации между Россией и НАТО. Мы видим вызывающие озабоченность обострение риторики и обострение фактических конфликтов. (Достаточно вспомнить в этой связи войну в Грузии.)

Я полагаю, что сейчас более необходимо, чем когда бы то ни было, совместно говорить о том, как оживить идеалы 1968-го и 1988-

го и каким образом реализовать в политической реальности и претворить в жизнь общеевропейскую перспективу, которая была знаковой для этих обоих годов,.

Александр Архангельский: *в 1968 году и в 1988 году было колоссальное ожидание новых идей*

Если Арсений Рогинский сказал, что он – дитя 1968-го, то я в каком-то смысле, как и всё мое поколение, - дитя 1987-1988 года, потому что мозги начали разворачиваться в каком-то другом направлении именно тогда. Я из обычной советской семьи. В моем окружении не было диссидентов. Обычная школа, педагогический институт им. Ленина. Для того, чтобы «выбило серные пробки из ушей», нужно было, чтобы что-то случилось... Для меня «случилось» - в 1987-1988-м. Так что в этом смысле я – дитя Перестройки, и как всякое дитя – я неблагодарное дитя, спорящее и благодарящее одновременно. Михаил Сергеевич, спасибо Вам личное, человеческое и поколенческое.

Но 1968 год – точка, которую мы потом, задним числом пытались осмыслить. Мы знаем, что всякая реконструкция в истории есть конструкция. Я не могу говорить о 1968-м, я могу сказать о реконструкции 1968-го в моем сознании и сознании поколенческом.

Что для меня парадоксально до сих пор и что по-прежнему важно? Я читаю воспоминания людей, активно вовлеченных в процесс и здесь, и на Западе. Я читаю их восхищенные рассказы про то, какое электрическое воздействие оказывали идеи того же Герберта Маркузе. Я пытаюсь читать Маркузе, и у меня ничего не получается. Я вижу, что рассказы о Маркузе важнее, чем сам Маркузе - он умер, Бог умер, левый вождь Маркузе умер. Осталось то, что люди пережили по поводу Маркузе, и то, что они потом преобразовали для своей дальнейшей жизни, к которой Маркузе не имеет уже никакого отношения. Кроме одного. Он дал гениальную формулу прежней эпохи – «одномерный человек». Люди захотели стать не - одномерными. И те, у кого получилось это, вопреки всем историческим обстоятельствам, состоялись. Те, у кого это не вышло, были списаны. Они были списаны или смещены на обочину.

В чем принципиальное отличие 1968-го, в скобках – 1988-го, от 2008-го? Не в политических обстоятельствах. Не в том, что мир усложнился - а он действительно усложнился. А в том, что в 1968 году и в 1988 году было колоссальное ожидание новых идей. И была ожидание новых идей и есть встречные попытки предложить эти новые идеи, высекается какая-то историческая искра и начинается

движение вперед. Потом, возможно, идеи отмирают, а люди остаются.

В 2008-м, мне кажется, мы переживаем кризис безыдейности с любой стороны. Мы не видим ни новых больших идей, мы не видим и ожидания новых больших идей. Мы видим бюрократический процесс в Европе и псевдодержавный, но тоже бюрократический процесс в России. Политика подменена бюрократией. А там, где правит бюрократия, идеи не возможны. Однако возможны технические «донастройки», обсуждения - кто кого, кто подвинется, кто не подвинется и т.д.

Когда нет больших идей и нет ожидания идей, возникает то, что, собственно говоря, может происходить именно в бюрократическую эпоху. Возникает подмена тезиса –и касательно настоящего, и касательно будущего, и касательно прошлого.

Я с большим интересом посмотрел по одному из телеканалов фильм, посвященный 1968 году в советской и мировой истории. Там были представлены, как и положено, разные позиции, разные точки зрения. Кадры были замечательные, прекрасные. И Париж был, и Польша, и Советский Союз, и Прага. Но мне запала в память формула, что «только сейчас, когда Запад обложил нас по всей линии границ системой ПРО, мы поняли, насколько вынужденным было решение советского руководства о вводе танков в Прагу». То, что это сказано во всеуслышание, - очень полезно, потому что мы увидели: есть реакция или ее нет. Ведь проблема не в том, что это было сказано по федеральному каналу - проблема в том, что никакой общественной реакции не последовало. Не власть запретила эту реакцию. Она только проверила, замерила - замер показывает, что никакой реакции нет. Подобное может быть только в вакууме идейном, в вакууме смысловом, в вакууме общественного запроса.

Мы через прошлое (мы, а не власть) должны прощупывать свои пути, векторы своего движения в будущее. 1968-й и 1988-й вошли в историю – но реагируя подобным образом на свое прошлое, имеем ли мы право на новое будущее?..

Милан Хорачек: *Изменив самого себя, можно оставаться верным себе.*

Хотел бы все-таки начать с 1968 года. Я вспоминаю в очень светлых тонах его первую половину. Радость тогдашнего прорыва, как мне уже напомнили - радость оттого, что была попытка создать социализм с человеческим лицом. Это Александр Дубчек заслужил, конечно, славу человека, который хотел восстановить именно такое

лицо социализма. Это был человек, который имел хорошую человеческую натуру и отличался от тех, кто на параде 1 Мая стоял на трибуне и махал рукой проходящим мимо толпам.

Для меня 1968 год омрачен унижением оккупации 21 августа. Ночью я увидел, как советские танки проехали по улице, в строительстве которой участвовал. (Я тогда работал в стройбате как политически неблагонадежный, и поэтому знал, как тяжело строятся и прокладываются улицы и дороги). Не только меня, но и многих других этот опыт привел к определению своего жизненного и политического пути. Мы были оппозиционерами или диссидентами в тогдашней Чехословакии и в Восточной Европе или мы были в эмиграции. Мы могли дискутировать о свободе, демократии, правах человека и социализме на Востоке и на Западе – только, сталкиваясь с «колючей проволокой».

В 1968 году Запад оказал нам помощь. Даниэль Кон-Бендит или Руди Дучке помогли мне во Франкфурте, где я оказался. Они помогли мне понять, почему 1968 год для западных обществ является моментом или годом преобразования. И временем тогда не кровавой, но, тем не менее, революции.

Позже в дискуссиях с Генрихом Бёллем, Львом Копелевым и другими мы обсуждали вопросы прав человека и подчеркивали, что мы обязаны вмешиваться в них. В том числе вмешиваться и во внутренние дела других стран в этой связи, поскольку вопросы прав человека означают, что необходимо вмешиваться и в дела соседа. И этот подход нам помог в 80-е годы вести дискуссии с тогдашними функционерами в Будапеште, Варшаве и Москве.

Конечно, для нас не просто радостным был 1985 год и приход Горбачева. То, что пришло вместе с гласностью и Перестройкой, для людей, жизненный путь которых определил 1968 год в Праге, и людей этого поколения из Берлина, из Парижа – для всех нас всех это было подтверждением того, что можно изменить самого себя, и изменив самого себя, оставаться верным себе. Это было центром в политических процессах, дискуссиях в тогдашнем обществе. Иначе не было возможно сделать то, что было сделано 1988-1989 годах.

А сейчас, совершив «большой скачок» в 2008 год, мы должны констатировать, что тенденция развития общества, связанная с глобализацией, также приносит с собой значительные трудности. Это одна сторона проблемы. Другая ее сторона состоит в том, что базовая мысль – свобода, что базовая идея свободы, демократии, прав человека, сохранения мира остается самым важным.

Поэтому я ставлю вопрос: возможно ли вмешательство в связи с правами человека везде и необходимо ли оно? И все-таки утверждаю, что борьба за мир, за свободу и демократию остается нашей главной задачей.

Людмила Алексеева: *Диссидентское движение в СССР имеет общие корни с событиями 1968 года на Западе, но родилось не под их влиянием*

События 1968 года, в разных странах очень разные, имеют одно и то же происхождение, один корень. Все эти события были отзвуком трагедии первой половины XX века, двух мировых войн и их наследия, тоталитарных режимов. Это не могло не привести к размышлениям о необходимости коренного изменения во всем мире отношений государства и личности. Если совсем просто сформулировать, то о необходимости замены принципа «человек для государства» - на принцип «государство для человека».

Эти размышления в каждой стране базировались на пережитом ее гражданами, и условия для этих размышлений в разных странах тоже были разными. На Западе поиск происходил в условиях свободного обмена идеями, информацией. Там уже за 20 лет до рассматриваемых нами событий родился великий документ XX века – Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 года). И на Западе поколение 1968 года уже задумывалось над созданием, а может быть, не задумывалось, а чувствовало необходимость создания механизмов для воплощения тех идеалов, которые провозгласила Всеобщая декларация прав человека в жизнь. Потому что это была Декларация, в нее же механизмы никакие заложены не были. Только идеи были провозглашены.

Я не знаю, насколько этот документ и весь поток идей с ним связанный был известен в Польше и Чехословакии. А в Советском Союзе – это я точно знаю – мало кто о нем знал. Наши начальники от нас его скрывали. Но и у нас тоже шел тот же духовный поиск. Ведь и мы пережили все эти трагедии, плюс еще три революции и Гражданскую войну. А государственный террор в нашей стране превзошел по протяженности во времени и по свирепости все тоталитарные режимы XX столетия.

Мы были отгорожены от всего человечества «железным занавесом». И первые дырочки в этом занавесе стали появляться лишь после смерти Сталина. Но занавес сохранялся, и жесткая цензура сохранялась.

Случайно ли совпали по времени события в Чехословакии, рождение диссидентства в СССР, волнения в Польше – со студенческой революцией на Западе? И как влияли – и влияли ли – идеи протестных движений на Востоке и Западе Европы друг на друга? Понимали ли друг друга участники этих движений?

На эти два вопроса я бы ответила так. Диссидентское движение в СССР имеет общие корни с событиями 1968 года на Западе, но родилось не под их влиянием. Потому что мы почти ничего не знали об этих событиях. Единственное, что мы знали о происходящем за границами СССР, - это «Пражская весна». О ней мы знали с самого начала - с манифеста «Две тысячи слов», и следили за происходящим в Чехословакии с замиранием в сердце, как за собственным кровавым делом.

Мне к этому времени было 40 лет, и мы следили за чехословацкими событиями. К 1968 году, диссидентское движение уже, безусловно, существовало. Так что оно не было порождено пражскими событиями. Наш диссидент родился из поневоле самостоятельного осмысливания трагического опыта нашей страны на протяжении жизни наших родителей, наших дедов и бабок. И диссидентами стали те, кто смог в размышлениях над этим опытом выбраться из засасывающего болота официальной идеологии. Выбраться из него нам помог не опыт Запада, нам тогда неведомый, и не дореволюционный опыт нашей страны, потому что его мы тоже толком не знали. Ведь история тоже была переписана на советский лад.

Единственное, что у нас сохранилось в противовес официальной идеологии – это великая русская литература. Ведь все наши гении были на стороне маленького человека, которого давило безжалостное к нему могучее государство. И таким был наш путь к идее: не человек для государства, а государство для человека. Вот наш учитель, не только мой... Я разговаривала со многими своими сверстниками по этому поводу, участниками диссидентского движения. Они подтверждали, что все-таки и сомнения, и решения пришли из литературы, а не из чего-нибудь другого. Когда я говорю: мы, наш путь, я имею в виду не только диссидентов, но гораздо более широкую страту советского общества, давшую имя целому поколению. Я имею в виду шестидесятников.

Знаковым событием для большинства шестидесятников стал XX съезд партии. Но и для тех, кто помоложе, как для моих сверстников, именно 1956 год – год XX съезда – стал рубежом, когда в нашей стране люди смогли перейти от одиноких сомнений к обсуждению волновавших их вопросов - хотя бы в близком своем окружении.

Петербургский социолог Виктор Воронков подметил еще одно обстоятельство, которое способствовало началу этих обсуждений. В хрущевские времена мы постепенно стали перебираться из коммуналок пусть в убогие, но отдельные квартиры. И таким образом появилось хотя бы место для этих обсуждений. При нашем климате ведь на улице долго не поговоришь, а в рестораны мы не ходили. Ресторанов не было и денег не было. И вот отдельные квартиры создали площадки для этих обсуждений – знаменитые московские кухни.

Шестидесятники прошли периоды надежд, и периоды разочарований. Первый период надежд наступил сразу после XX съезда, когда люди возвращались из лагерей в массовом порядке. Государственный террор против собственного народа был осужден с самого верха. Тогда многие порядочные люди вступали в партию, поверив, что именно она будет флагманом борьбы за очеловечивание режима. Но после этого периода надежд разочарование наступило очень скоро. Уже осенью было подавлено восстание в Венгрии, затем Хрущев посетил художественную выставку в Манеже, и стало очевидно, что цензура сохраняется во всем своем великолепии. И все-таки разговоры на кухнях то тут, то там претворялись в какие-то заметные извне результаты, в публичные акции. Например, Ясин Евгений Григорьевич Ясин вспоминает, что для него поворотным пунктом было публичное обсуждение в библиотеке Одессы, где он романа Дудинцева «Не хлебом единым». Тогда эти обсуждения проходили в библиотеках, в институтах - везде, где найдутся какие-то места.

Спектакли театра «Современник». Боже мой, что делалось, когда поставили «Голый король»... Да, были прорывы в журнале «Новый мир». Появились любимые барды, песни которых тиражировали на магнитофонах.

Самое главное, кроме того, что я перечислила, это такое явление, как Самиздат и зарубежные радиостанции, вещавшие на Советский Союз. Всё это подготовило взрывы общественной активности, вызванной арестом московских литераторов - Юлия Даниэля и Андрея Синявского. Речь шла о самом сокровенном для нас – о свободе слова. И тут уж не только друзья стали писать властям письма с протестами против преследований за художественные произведения - этого мы вынести не могли. Письма властям – это был революционный шаг для советского общества, потому что от разговоров в дружеском кругу и молчания за его пределами решились перейти к открытому высказыванию своего мнения властям.

При этом у многих в то время была надежда, что они будут услышаны. Поэтому тот «эпистолярный жанр» обретал всеобщую

популярность. Когда стали приходить вести из Чехословакии о «Пражской весне», энтузиазм относительно «социализма с человеческим лицом» в интеллигентской среде больших городов стал массовым явлением. Тогда советские люди почти все были социалистами, потому что ничего другого мы не знали. Мы горячо желали успеха Дубчеку – не только бескорыстно, но и в надежде, что если в Чехословакии получится, то со временем и у нас произойдет демократизация.

Советские танки в Праге раздавили и наши надежды. Мы перестали верить в возможность «социализма с человеческим лицом». Перестали верить в очеловечивание социализма. С августа 1968 года наступило тяжелое кризисное время. Снова произошло четкое разделение: кухня – это одно, а публичная жизнь – это совсем другое. Тогда и определился окончательно круг диссидентов. Это были те, кто не вернулся на кухни.

Участились и ужесточились репрессии. Среди нас не осталось сохранивших работу и прежний уровень жизни.

Можно видеть, что у нас всё было не так, как на Западе. Всё было придавлено. Не было революции, не было массовых протестов. Но для самого скромного протеста требовалось мужество вплоть до самопожертвования.

У нас 1968 год тоже выделился из остальных повышенной гражданской активностью. В апреле 1968 года начала выходить знаменитая хроника текущих событий. Летом 1968 года (еще перед Прагой) появились в Самиздате сахаровские «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Этот всплеск правозащитного и диссидентского движения я связываю с воздействием на наше общество «Пражской весны». Но поскольку в отличие от Запада не произошло адаптации советского режима к запросам общества, именно советские диссиденты стали застрельщиками нового подъема гражданской активности для решения не решенной у нас проблемы изменения взаимоотношений между государством и гражданами. Я имею в виду реакцию в Советском Союзе на гуманитарные статьи Хельсинкских соглашений, подписанных 1 августа 1975 года.

Требования соблюдать гуманитарные статьи хельсинкских соглашений, которые выдвинули Юрий Федорович Орлов и созданная им Московская хельсинкская группа, были по существу заявкой правозащитников на такие же гражданские права для советских людей, какими обладают граждане демократических стран. И мы, когда делали эту заявку, обращались в первую очередь к общественности Запада, именно Запада. Мы надеялись, что она поддержит это наше требование. Но в демократических странах

Запада проблема их взаимоотношения с государством была решена после 1968 года, и наша неожиданная активность не вызвала немедленной практической поддержки. Нас поддержали те, для кого эта проблема была актуальной: национальные движения в советских республиках, в Украине, Литве, Грузии, Армении, а также диссиденты Польши и Чехословакии, где тоже события 1968 года не привели к желанному результату.

Однако на Западе нас поддержал баллотировавшийся тогда в президенты Соединенных Штатов Джимми Картер. Он уловил настроения американцев, которые, по-видимому, созрели для более решительного следования тенденциям, наметившимся в бурном 1968 году. Гвоздем программы Картера было обещание строить дипломатические отношения со всеми странами в зависимости от соблюдения их властями прав человека. И американские избиратели поддержали это намерение. Оппонент Картера на следующих выборах - Рональд Рейган - высмеивал такую внешнюю политику, как донкихотскую, но, придя к власти, проводил ее все восемь лет.

Смотрите, 68-й, 88-й – а сейчас 2008 год, вроде бы надо двигаться дальше, а ничего нет... Так как я - неисправимый оптимист, то должна спросить: а вдруг всё только сейчас начинается в этом 2008 году? Ведь опять американцы почуяли необходимость изменения во всем общественном порядке мироздания в том же направлении, которое 60 лет назад было обозначено Всеобщей декларацией прав человека. В 2008-м выборы в США триумфально выиграл Барак Обама. «Мы это можем», - заявили американские избиратели. Мы тоже кое-что можем. Во всяком случае, сейчас условия для корректировки взаимоотношений граждан с властью гораздо лучшие, чем были у шестидесятников и у авангардных диссидентов. По крайней мере, мы не отделены, как тогда, «железным занавесом» от всего мира. И если новое поколение не предлагает новых лозунгов, я думаю, ему ничего не остается, как бороться за те ценности, которые объявлены во Всеобщей декларации прав человека, - государство для человека. Продвижения этого кредо будет добиваться и нынешнее, и следующее поколение, и они довершат то, что не успели сделать поколения 60-80-х годов.

Алексей Берелович: *Общее между 1968 годом на Западе и на Востоке - надежда на другой социализм*

Я считаю, что 1968 год на востоке Европы и на западе - это все-таки очень разные вещи. Даже на самом Западе, где, конечно, были и общие корни, и общие движения, были существенные различия между – скажем, Италией, Францией и Германией. А например, в Америке это было в основном студенческое движение в связи с войной

во Вьетнаме. Во Франции это было студенческое движение, вдобавок мощнейшая всеобщая стачка, самая мощная во Франции за всю ее историю и глубокий политический кризис, который в Америке, насколько я помню, не наблюдался. 1968 год в восточной и западной Европе был, скорее всего, хронологическим совпадением разных по своей природе движений. Глубоких общих корней я не вижу. Может быть, есть где-то очень далеко что-то общее, но, во всяком случае, конкретно исторической связи не было.

Да, действительно, я принадлежу к поколению 1968 года, но, скорее всего, косвенно. В каком смысле? В том, что я не принадлежу к детям 1968 года. Я придерживался тогда некоторых убеждений, которые не были – мягко говоря – характерны для 1968 года, потому что я был тогда членом компартии вполне ортодоксальным – не совсем ортодоксальным, но почти. Поэтому я не пережил эти события, как студент из Сорбонны, который думал, что он сейчас делает революцию. А был убежден, что никакой революции нет, в чем, как мне кажется и сейчас, – я был прав.

Что же произошло? Мне кажется, что если остановиться на студенческом движении, с которого все и началось, – это было двойное движение. Точнее, это было одно движение с двумя составляющими. Одна составляющая – это совершенно очевидное, оставшееся впоследствии в памяти людей, желание выйти из достаточно устарелого, закостеневшего, очень иерархического французского общества 50-х годов, которое еще сильно походило на общество Третьей республики (до Второй мировой войны).

Можно сказать, что это был выход из послевоенного времени, разрыв, произведенный первым послевоенным поколением. И тот культурный разрыв, благодаря которому можно ходить без галстука, можно говорить на «ты» коллегам и т.д. Изменения в стиле и в образе жизни были очень сильны – они и сохранились.

Но была другая составляющая, которая содержала, мне кажется, заряд архаичный, если так можно сказать. То есть в движении 1968-го была не только воля к модернизации, но и некоторый страх перед либеральной модернизацией, которая тогда происходила. Этот утопический заряд 1968 года принял формы возврата к природе, отказа от карьеры, некоторый эскапизм: перебраться в деревню, пасти овец или коз; создавать «коммюнити» (типа общин), чтобы выйти из узкой семьи, чтобы создать какие-то новые формы существования. Все эти поиски имели во время 1968 года и после в основном радикально-левую окраску, левее Французской компартии. Идеи, поиски, чаяния тех лет оставили глубокий след во французском – и не только французском – обществе: можно сказать несколько огрубляя, что и

феминизм, и зеленое движение, и нынешний гедонизм («я имею право на наслаждение здесь и сейчас») - все это «дети 1968 года».

На этом основании (хотя исторически, повторяю, нет общего) можно все-таки найти нечто общее между 1968 годом на Западе и на Востоке. Это общее - некое желание найти какие-то революционные ходы помимо существующей советской системы - надежда на *другой* социализм. В Чехословакии это был «социализм с человеческим лицом», но политически говоря – просто демократический социализм. Разгром этого движения тогда не позволил нам узнать , возможен ли он, и полу-неудача Перестройки в 1988 году, опять-таки не позволила проверить, может ли такое существовать. Единственное, что могу констатировать, как историк,- это то, что вплоть до сегодняшнего дня такой социализм никогда и нигде не существовал.

Но мне кажется, что эти два момента - мощные попытки с утопическим зарядом выйти из того, что существует, выйти из тех политических систем, которые существовали и на Западе, и на Востоке - это были очень важные моменты свободы. То есть это были моменты в истории, когда люди чувствуют, что они свободны, что они делают историю.

Все, кто вспоминает 1968 год, и все, кто вспоминает Перестройку, - все помнят эти моменты свободы, исключительно значимые для тех, кто их пережил. Мы ощущаем тогда, что будущее открыто. Потом оно достаточно быстро, как мы знаем, закрывается.

Ныне, мне кажется, последние отблески этих надежд кончились, т.е. в 2008 году эта утопия кончилась. Трудность нынешнего положения, мне кажется, в том, что, как мы это видим, наблюдая состояние левых сил в Италии, во Франции и в других странах - это невозможность, трудность найти новые идеи, которые помогли бы вновь искать альтернативы существующей системе. Это, конечно, задача уже не моего поколения, а следующих поколений, и задача надолго.

Александр Даниэль

Я с большим интересом выслушал выступление Алексея Береловича, при этом в голове у меня все время вертелось некое письмо, которое я получил вчера по электронной почте в связи с этим Круглым столом. Это письмо некоего человека, который был деятелем студенческих выступлений 68-го в Париже. Ему тогда было 18-19... И он остался таковым и сейчас. Вот он рассылает письма активным деятелям 68-го с призывом писать историю 68-го, потому что, как он пишет, ее невозможно доверить ревизионистам и предателям дела революции, как Дени (Danu, уменьшительное от Daniel) например (имеется в виду Кон-Бендит), который стал

центристом и «зеленым», - презрительно пишет он. А Ульрике Майнхоф уже нет, а Карлос Ильич Рамирес сидит в тюрьме. А троцкистов он обличает за то, что они остановили революцию в мае и т.д. Такие робкие консервативные троцкисты тормозили эту революцию. В общем, Вы, Алексей, вероятно, являетесь представителем этих ревизионистов и тормозов революции.

Алексей Берелович

Если Вас интересует тогдашняя раскладка, то можно сказать следующее. Тогда, что очень важно - для коммунистического движения очень важно - Французская компартия во Франции была «партией порядка», так как она не хотела революции реально, и она считала, что это не революционное положение. Она старалась всеми своими силами погасить студенческое движение. Вдобавок она считала, что оно (движение) совершенно не ортодоксально, поскольку революция не может начинаться со студентов. Известно, что она начинается с пролетариата, а пролетариат совершенно не собирался делать революцию. Поэтому компартия была против революционной составляющей студенческого движения. Значит, Компартия начинает путь именно «партии порядка», левее которой «настоящие революционеры». Но парадокс еще в том, что большинство тогда зарождавшихся левацких групп тоже были против этого движения, потому что они тоже были за пролетарскую революцию. Поэтому студенты их совершенно не устраивали. Троцкисты более активно участвовали, но тоже несколько сдержанно (опять-таки потому, что всё было «не ортодоксально»). И поэтому самыми активными были не организованные левые, ЮНЕФ (профсоюз студентов) – в общем, целая масса людей, которые тогда, (как во время Перестройки в СССР), по ходу событий открывали возможность политических действий.

Я тогда уже был, в тогдашнем жаргоне «сталинистом». Так обозначились в тогдашней лексике люди, которые принадлежали компартии. Поэтому я уже тогда изначально был для автора Вашего письма «плохим» в отличие от тех, которых он обличает и которые стали плохими позже.

А насчет написания истории, мне кажется, что каждые десять лет - во Франции, во всяком случае – выходит по сотне книг о 1968 годе, потому что все эти участники люди очень пишущие, и поэтому литература о 1968-м совершенно необъятная.

Ральф Фюкс: 1968-й стал толчком к модернизации.

Хотел бы кратко отреагировать на дискуссию. Из «перспективы актера», что называется. Я думаю, что диалектическая шутка 68-го на

Западе, которую я хотел бы напомнить, состоит в том, что это было, действительно, революционное движение в смысле глубоких изменений, которые оно вызвало, - но совсем по-иному, чем большинство тогдашних действующих лиц, это себе представляло.

Действительно, радикальная часть студенческого движения 1968 года, к которым я тоже тогда присоединился, были приверженцами марксистской, социалистической идеи. То есть антикапиталистическое движение в ярком виде питали своими фантазиями так называемые идеи революции. Но это не означает, что это движение полностью рухнуло и не оказало воздействия на историю. То, что оно действительно вызвало к жизни, - это была своего рода культурная революция. Она функционировала как большое движение, которое западному обществу придало новую суть. В ходе ее западное общество стало демократическим, оно открылось, в том числе и в отношении демократического участия в принятии решений, вне парламентов возникла общественность такого же рода. Отношение между полами совершенно изменилось тогда. Воспитание детей – тоже изменилось (детей стали воспринимать субъектами, которые имеют собственные права). В нашем обществе произошел «либеральный толчок», который подготовил почву для нового этапа развития капитализма.

Мы не отменили капитализм, но мы его модернизировали. И мы перевели стрелки уже на то, что называется сегодня «обществом знаний». То есть произошли огромные изменения в области системы образования. Миллионы молодых людей вступили в эту новую систему и совершенно новые слои населения вышли на поверхность. Я думаю, что это важно потому, что 1968 год – действительно был исходным моментом для нового развития событий на Западе и на Востоке. Они разошлись в Западной Европе и в Америке, но 1968 год стал толчком к модернизации.

В то же время в Восточной Европе, в советских обществах, скорее, произошло нечто обратное. Это привело к большей стагнации, к застою. Оказалось, что политическим - социалистическим, коммунистическим - партиям не удалось принять или преобразовать эти импульсы. В этой связи 1968 год был уже началом конца советского господства в Восточной Европе, в то время как на Западе 1968 год был действительно настоящим толчком, который сделал эти общества более подготовленными к будущему, чем до событий 1968-го.

Есть ли здесь некий связующий элемент? Здесь я согласен с Алексеем Береловичем: 1968 год в Париже, Берлине, Праге - это был момент свободы. Это было чувство, что мы можем делать историю.

И если в 2008 году есть такой же элемент, - этим уже многое сказано: выборы Обамы в Америке – это что-то большее, чем выбор нового президента. Это действительно некий общественный всплеск в головах миллионов людей, и миллионы людей оказались вовлечены в этот процесс.

Леонид Седов: *События 1968-го, 1988-го годов в их связи, полезно рассмотреть их в парадигме «революция пожирает своих детей»*

Мне кажется, что как на Западе, так и на Востоке Европы, произошел бунт против поколения отцов, оставивших страшную память о войне и ужасах тоталитаризма. В общем виде можно говорить о том, что повсеместно пошел процесс расформирования социальных систем, высвобождения личности от уз устаревших социальных норм и правил жизни. Помнится, в семинаре Левады мы очень подробно и внимательно анализировали происходившие на Западе события, и пришли к выводу - в терминах тогда популярных в нашем кружке социологической теории Парсонса, - что происходит процесс дифференциации личностной подсистемы в системе социального действия.

Помню, что тогда, в ходе той дискуссии я употребил выражение «сексуальная революция». И надо сказать, что в советских идеологических сферах, почему-то именно это выражение вызвало реакцию как нечто наиболее крамольное. И участников семинара вызывали в 1-й отдел, допрашивали, кто сказал «сексуальная революция». Но меня не выдали, и допросы оказались безрезультатны.

Можно вспомнить также, что в специфической форме культурной революции бунт против старших пережил тогда и Китай. И надо сказать, что влияние китайской культурной революции очень даже сказалось на событиях в Западной Европе, где возник и известный культ Мао Цзэдуна, Че Гевары и т.д. У нас в этом смысле с молодежными движениями на Западе вряд ли был тогда общий язык, потому что студенческая молодежь в Западной Европе бунтовала против общества потребления. В Советском Союзе с его тотальным дефицитом вообще говорить на языке борьбы против общества потребления было дико и невероятно. Речь шла о прямо противоположном – о нормальном потреблении. Начиная еще с 50-х годов, со стиляг, допустим, ставилась как раз во главу угла идея налаживания какого-то правильного потребления, каких-то западных образцов в этом смысле.

Можно вспомнить и о том, что огромное влияние именно на тогдашние идеи в России оказал, скажем, Окуджава, который воспел возвращение к идеалам частной жизни, так сказать, к нормальной жизни. То есть у нас язык был совершенно другой, чем на Западе.

Рассматривая сегодня события 1968-го, 1988-го годов в их связи, полезно, по-моему, рассмотреть их в парадигме «революция пожирает своих детей». Мне не раз приходилось выступать с тезисом о существовании некоторого периодического закона смены политических поколений с 17-летним циклом перемен. Так вот у меня существует такое наблюдение, что нашу историю XX века можно рассматривать в такой парадигме смен политических элит примерно с 17-летним, 20-летним циклом. Магического здесь ничего нет в этих числах – в 17, 20 лет. Но есть демографическое обстоятельство, состоящее в том, что пришедшее к власти молодое поколение взрослеет в течение этого периода, раскалывается и е него возникает желание произвести смену элиты.

Одна часть поколения, как правило, более молодая и менее удачно воспользовавшаяся предыдущей сменой власти, начинает сметать со сцены более удачливую часть. Так, в 1934-1937 годах ленинскую гвардию уничтожила сталинская. В 1956 году происходит вытеснение сталинистов умеренными антисталинистами, умеренными в стиле борьбе с культом личности. В 1968 году этому политическому классу приходится быть сметенным гораздо более радикальными противниками тоталитаризма, хотя и в этой части новой политической элиты сохранились социалистические, коммунистические идеалы, вера в «социализм с человеческим лицом», возврат к «чистому Ленину» и другие идеи такого рода. Противники тоталитаризма даже в их умеренном варианте не были допущены к власти. В тот раз укоренившаяся во власти удачливая часть с помощью танков одержала победу. Для проигравших это событие было личной трагедией. При этом радикальные антитоталитаристы только лишь укреплялись в своем понимании советского режима как разновидности фашизма. Мне тогда пришлось написать самиздатовский памфлет «Логика танков», где как раз я утверждал эту идею.

Скажу только, что дальше мы можем прибавить к 1968 году 17 лет и мы получим Михаила Сергеевича Горбачева и Перестройку – 1985-1988 годов. Исторической задачей власти этого нового политического поколения было смести со сцены элиту, утвердившуюся в период власти Геронтов, в период геронтократии.

Далее следуя этим путем, пользуясь этой схемой, мы увидим 2002 год – приход к власти путинской элиты и вытеснение реформаторской элиты 90-х годов. А впереди, согласно опять же этой

схеме, 2019 год, с которым я, например, связываю ожидание конца путинской элиты и утверждение новой элиты.

Павел Кудюкин *Критическое отношение к существовавшему в СССР режиму и обществу не означало идеализации западного капитализма.*

В 1968 году мне было 15 лет. И действительно это было время, которое пробудило к политическим интересам, к общественно-политической активности. Причем я принадлежу к тому очевидному меньшинству тогдашней советской молодежи, для которой равно значимы были и «парижский май», и «пражская весна». Для нас критическое отношение к существовавшему в СССР режиму и обществу не означало идеализации западного капитализма.

Для нас 1968-й год в чем-то схож с 1970-1973 годами с революцией в Чили, с той же самой надеждой на иной демократический социализм. За ней последовало не меньшее, может быть, разочарование, чем в августе 1968 года... Но тогда был постановлен вопрос, не был ли сам термин о «социализме с человеческим лицом» некоторым лукавством. Ведь, строго говоря, если у социализма нет «человеческого лица», заслуживает ли этот строй этого имени? Тогда получается, как шутил один мой однокурсник, «крокодил с человеческим лицом». А если нет человеческого лица, значит это не социализм, а социализм что-то иное, пока еще нигде не реализованное. ...

Кстати, кризис, в который входит современный мир, может быть, означает, как и новые риски, так и новые возможности.

Ян Младек. *Конец «Пражской весны» была катастрофой для чешского общества*

Я представляю Академию Массарика, которая близка к чешской социал-демократии. Я – не человек «Пражской весны». Мне было восемь лет в это время, и у меня нет личных ни позитивных, ни негативных воспоминаний об этом.

В Чехии было много разговоров про 1968 год. Нет никакого консенсуса в том, что касается политики. Что касается экономических реформ, есть почти консенсус: была проблема, которая не имела решения. То есть сделать реформу социализма, где нет частной собственности и где должна оставаться ведущая роль партии - это просто невозможно.

Я могу твердо сказать: в «пражскую весну» хотели реформировать социализм. Не хотели никакого вступления в НАТО - это полная ерунда. Реформаторы были честными коммунистами.

Александр Дубчек был советским человеком, и первый язык, который он выучил, был русский (его отец работал в Киргизстане). И только потом Дубчек изучал словацкий. Но он был советским человеком, которому нравился «социализм с человеческим лицом», он не хотел сажать людей в тюрьму, и когда Советское Политбюро требовало этого от него, он не выполнял свою задачу.

Конец «Пражской весны» была катастрофой для чешского общества. Прежде всего, мы потеряли самых способных людей, которые эмигрировали, сталинисты выгнали полмиллиона людей из компартии – самых умных - и заставили их работать руками.

Советский Союз уничтожил одну из самых больших компартий, которая была в социалистическом блоке – чехословацкую компартию. Огромный ущерб получили чешско-русские отношения, которые были очень хорошими до 21 августа 1968 года. К сожалению, они не восстановились до сих пор.

Я бы даже мог утверждать, что вводом войск в Чехословакию, Советский Союз начал собственный развал. Потому что Советский Союз потерял то, чего сейчас теряют американцы – эту мягкую силу – soft power... С этого времени началось и падение коммунистических партий в Западной Европе. После Праги уже трудно было влиять на них, привлекать их к сотрудничеству с Москвой, потому что для них оккупация Праги была неприемлемой.

Борис Славин: *Потребность в свободном обществе, исключаящем наемное рабство, социально-экономическое, нравственное и духовное отчуждение, - не исчезает*

Я думаю, что идея подлинной свободы пробудилась именно тогда, когда заговорили о «социализме с человеческим лицом». В нем нашли свое отражение идеи XX съезда партии в Советском союзе, практика самоуправления в Югославии, социальные достижения западной социал-демократии. В итоге пражским реформаторам удалось существенно демократизировать общество, ослабить цензурные рамки, добиться политического и идеологического плюрализма в общественной жизни, начать разработку рыночной реформы.

Все это не могло не напугать руководство КПСС, тяготевшее к неосталинизму, и руководителей компартий Восточной Европы, боявшихся потерять власть в ходе повторения «Пражской весны» в их странах. В итоге чехословацкий народ получили танки стран Варшавского договора на улицах Праги, а гуманистическое и

демократическое обновление реального социализма задержалось на двадцать лет.

По «мистической» закономерности истории события «Пражской весны» 1968 года совпали с майскими событиями 1968 года. Начавшись по инициативе студентов в Нантере близ Парижа, они затем перекинулись на всю страну. Студентов поддержали рабочие, начавшие общенациональную забастовку, в которой приняло участие более десяти миллионов человек.

Что же хотели французские студенты и рабочие в 1968 году? По сути дела того же, что и трудящиеся Чехословакии – свободы, гуманизма, ликвидации бюрократического устройства общества. Вот лишь несколько лозунгов тех времен, подтверждающих эти требования.: «Запрещать запрещено» «Скука контрреволюционна». «Вся власть воображению!» «Будьте реалистами, требуйте невозможного! (Че Гевара). «Не торгуйтесь с боссами! Упраздните их!». «Ты нужен шефу, а он тебе нет». «Рабочий! Тебе 25 лет, но твой профсоюз из прошлого века!». «Твое счастье купили. Укради его!» и др. Как мы видим, попытки сугубо культурологической или эстетической интерпретации майских событий во Франции (эдакий «майский хэппенинг»), не соответствуют действительности

Как известно, майские события закончились отставкой Де-Голля, избранием нового парламента и президента, но социально - политическая система осталась прежней. Количество «запретов» не только не уменьшилось, но даже увеличилось, стало больше бюрократии и различных «страхов», порожденных глобализацией, социальными и национальными антагонизмами.

Вместе с тем потребность в свободном обществе, исключающем наемное рабство, социально-экономическое, нравственное и духовное отчуждение, - не исчезает. Она проявилась в Советском Союзе, двадцать лет спустя после весенних событий в Праге и Париже. Я имею в виду, конечно, Перестройку, которая на третьем году своего существования (1988 г.) провозгласила программу перехода к «гуманному демократическому социализму».

Многие противники, да и некоторые «друзья» Перестройки считают ее неудавшимся экспериментом. По их логике ее поражение было закономерно, ибо система реального социализма, которую они пытались реформировать, была не реформируема, в принципе. Но историю делают люди, и нет таких социальных систем, которые нельзя было бы изменить, или реформировать. На самом деле, Перестройка была достаточно успешным процессом изменения изжившей себя модели советского общества. В этом смысле она является своеобразной анти тоталитарной революцией.

Достаточно сказать, что за годы Перестройки начались социально ориентированные рыночные преобразования, стало развиваться самоуправление в трудовых коллективах, в социальной сфере повышались зарплаты и пособия, развивалось жилищное строительство. Но особенно много было сделано в политической и духовной сферах общества. Начали реализовываться политические права граждан, были проведены альтернативные парламентские выборы, прошел всенародный референдум о будущем Союза, появились первые ростки многопартийности, большими тиражами выходила оппозиционная пресса, быстро менялось телевидение. Именно в годы Перестройки произошла отмена цензуры, граждане начали свободно выезжать за границу. Во внешней политике реформаторам удалось покончить с «холодной войной», начать разоружение и реально отодвинуть угрозу атомного Апокалипсиса. Все это полностью опровергает голословные суждения о «безуспешности» перестроечного эксперимента», о принципиальной неререформируемости советского общества и бесперспективности социализма как возможной модели будущего.

Возражая тем, кто утверждает, что нет реального примера существования «социализма с человеческим лицом», я отвечаю: а куда вы денете «Пражскую весну» в Чехословакии и семь лет Перестройки в Советском Союзе? Разве они не доказывают реальность и необходимость гуманного и демократического социализма? Поскольку бюрократический социализм и капитализм с «нечеловеческим лицом», не принимает абсолютное большинство людей, остается только «третий путь» - создание «социализма с человеческим лицом».

Татьяна Ворожейкина: *1968 год был высшей точкой подъема левого освободительного движения*

На мой взгляд, в нашей дискуссии, есть одно существенное упущение. Не только не упомянуты по сути, но и отсутствует в подтексте обсуждения очень важный ареал 1968 года, а именно Латинская Америка.

В 1968 году в Мексике началось мощное студенческое движение против авторитарного режима, которое затем охватило практически интеллигенцию, средние слои, и вобрало в себя часть рабочего движения.

3 октября 1968 года на площади Трех культур была расстреляна студенческая демонстрация. По официальным данным, погибло 120 или 130 человек. На самом деле, речь идет о нескольких сотнях. Это событие произошло ровно за две недели до открытия Олимпийских

игр в Мехико. И я должна сказать с горечью, что Запад тогда это проглотил. Церемония открытия Олимпийских игр «на крови» прошла абсолютно без всяких напоминаний о том, что произошло в этой стране. А это, повторяюсь, было несколько сотен расстрелянных.

Вторая страна – это Бразилия, где 1968 год отмечен всплеском массового движения против авторитаризма. Я об этом напоминаю, потому что вот то, о чем здесь говорили многие выступающие, - свобода, и то, что сформулировал Ральф Фюкс, - чувство протагониста, которое было распространено на Западе, - это чувство Западом, Западной Европой и США не ограничивалось.

Действительно, общий знаменатель всех движений в Восточной Европе, в Западной Европе, в Латинской Америке - то, что это были левые движения, хотя практически нигде коммунисты в них не участвовали.

Хочу напомнить еще об одном. В 1969 году произошло совещание коммунистических и рабочих партий, которое должно было, в общем-то, одобрить вторжение советских войск в Чехословакию. Помимо известной позиции итальянской и французской компартий была совершенно неизвестная позиция мексиканской коммунистической партии, которая открыто выступила против вторжения, чем сильно и на долгие годы испортила отношения с советским центром.

Так вот это всё были левые антикапиталистические движения, и, с моей точки зрения, 1968 год был высшей точкой подъема именно левого освободительного движения. 1989 год обозначил конец левой идеи и левого потенциала, как потенциала мобилизации.

Вадим Межуев: *Ни социализм советского образца, ни рыночный капитализм не могут служить надежной гарантией будущего развития.*

Никто из выступавших, как мне показалось, пока еще так и не выявил связи между 1968 г. и двумя последующими датами. Российские докладчики старшего поколения ограничились личными воспоминаниями о событиях того времени, не добавив к их пониманию ничего нового. О восстании парижских студентов, повлекшем за собой огромные изменения в общественном сознании Запада, они либо мало знают, либо не очень им интересуются. Что касается молодых, то история для них начинается, видимо, со дня их рождения. Один из них – А.Архангельский – признался, что не может читать Маркузе (один из видных идеологов, наряду с Сартром, студенческого движения того времени): не тот язык, на котором он привык говорить, не те идеи

(понятно, ведь они левые), которые ему близки. Возможно, он считает, что проблемы, волновавшие тогда людей, ничего не значат для его поколения, но в этом и надо разобраться в первую очередь.

Напомню, что 1968 год протекал в обстановке разгара «холодной войны» между двумя общественными системами, во всем противостоящими друг другу, выходящими далеко за рамки одного государства и претендовавшими на мировое лидерство. Каждая из них считала, что будущее за нею, была убеждена в своей исторической правоте. Ни одна из них не сомневалась в прочности и долговечности защищаемого ею порядка. Именно сознание устойчивости этого порядка и рухнуло в 1968-м - он стал годом глубокого кризиса обеих систем, заставив усомниться в их незыблемости.

Первый кризис получил название «Пражской весны», бросившей вызов всему социалистическому лагерю, второй дал о себе знать в студенческой революции в Париже, поколебавшей устои сложившегося к тому времени капиталистического общества. Если чешские реформаторы хотели придать социализму «человеческое лицо», повернуть его в сторону демократии и рынка, то парижские студенты восстали против бесчеловечности, как они считали, буржуазного общества. В то время, как студенческая молодежь и многие интеллектуалы на Западе резко качнулись влево, деятели «Пражской весны» явно склонялись к тому, что на языке того времени называлось правым оппортунизмом. Но в обоих случаях речь шла не о замене одной системы на другую, а о движении каждой из них в сторону большей свободы.

Хотя те и другие потерпели поражение (чешская весна была подавлена танками, студенческий бунт задохнулся в последовавшей вслед за ним серии бессмысленных террористических актов), именно эти события сделали очевидным, что ни социализм советского образца, ни рыночный капитализм не являются собой образец подлинно свободного и демократического общества, не могут служить надежной гарантией будущего развития.

Разумеется, интеллектуалы из двух противоположных лагерей по-разному реагировали на события 1968 г. (я имею в виду именно интеллектуалов, а не официальных идеологов). Но в любом случае их отношение к существовавшей в их странах системе (при всей полярности этих систем) обрело резко негативный, критический характер, что подтверждается, в частности, последующей эволюцией социального знания. На Западе оно обрело форму уже не социологического позитивизма с его абстрактно-теоретическими схемами и построениями (в духе Парсонса), а мышления, более чуткого к историческим переменам и изменениям. Это привело в итоге к возникновению постструктурализма и постмодернизма, наряду с

поднявшейся волной неомарксизма. Советские же интеллектуалы маскировали свое неприятие «реального социализма» обратным образом - обращением к западной социологии, причем в первую очередь англо-американской, с целью противопоставления ее марксизму, историческому материализму, «научному коммунизму». Первые хотели поколебать здание рационально выстроенной социологической теории общества путем обращения к глубинным структурам исторического и человеческого бытия, вторые стремились противопоставить историческому оптимизму социалистической идеологии, базирующемуся на чистой вере, строго рациональное знание. Этот сюжет далек, конечно, от нашего разговора, но он позволяет понять всю глубину сдвига, происшедшего в общественном сознании и социальной науке под влиянием событий. Не будь их, А. Архангельский до сих пор говорил бы языком «советской прозы», а книги Маркузе воспринимались бы им как откровение свыше.

Последовавший после разгрома «Пражской весны» период застоя в нашей стране был вызван, прежде всего, страхом власти перед возможностью повторения в том или ином варианте чешских событий. Если капитализм за тот же период пережил бурную трансформацию, превратившись из общества индустриального в общество постиндустриальное и информационное, то социализм буксовал на месте, все более костенея в своем неприятии любого проявления свободной мысли. В итоге вера в возможность обновления социализма сменилась в мыслящей части общества разочарованием в самой идее социализма. Застой разрушил эту веру до конца. В этом причина того, что Перестройка, стартовавшая во второй половине 80-ых, так быстро сошла с дистанции. Она, если учитывать настроения этой части, пришла слишком поздно. Наиболее социально активные представители творческой и научной интеллигенции, вышедшие тогда на политическую сцену, хотели уже не обновления социализма (в духе «Пражской весны»), а его смерти. Поддержав Горбачева в начале его правления, они потому и предпочли ему затем Ельцина, что посчитали его более подходящей фигурой на роль «могильщика социализма». В то время их невозможно было убедить в ошибочности такого выбора, повлекшего за собой все последующее. Только сегодня, глядя назад, многие из них начинают осознавать, что Ельцин с его антикоммунизмом был человеком прошлого в значительно большей мере, чем Горбачев с его социалистическими убеждениями.

Если Горбачев хотел десталинизации социализма, хорошо понимая, что большая часть народа ни социально, ни психологически еще не доросла до полного принятия капитализма, то Ельцин, учинив погром социализму, привел страну к состоянию, оживившему в душах людей самое худшее, что было при социализме – призрак сталинизма,

но уже без всякого социализма. Я и сейчас думаю, что единственно возможным политическим выбором власти в то время был выбор не между социализмом и капитализмом, а между социализмом и сталинизмом в пользу, как предлагал Сахаров, конвергенции двух систем, сохраняющей то лучшее, что было в каждой из них. К полной и мгновенной смене ориентиров народ, выросший при советской власти, к тому времени (как, думаю, и сейчас) не был готов. Подтверждением тому служит простой факт: с концом социализма население России не вспылало любовью к капиталистическому Западу, а в своей значительной части затосковало по сталинским временам. Ведь не кто-то один поставил Сталина на третье место в выборе подходящего для России имени. А не лучше ли было на первых порах осуществлять переход к рынку и демократии при сохранении хотя бы видимости верности социалистическому выбору, более понятному и привычному для большинства населения страны? Предпочли, однако, путь радикального слома всего, что связывалось в сознании людей с социализмом, причем не только с его негативной, но и позитивной составляющей, которая не отрицалась даже на Западе. Для чего антикоммунизм понадобился Ельцину, понятно, - для прихода к власти (до этого ничто в его биографии не указывает на подобные настроения), но понимали ли тогда сами демократы, что отказ от прежней веры будет положительно воспринят населением только при условии качественного улучшения их жизни?

Полный разрыв со старой верой оправдан при наличии уже сложившихся новых структур. В ином случае он является разрывом лишь на словах, а на деле ведет к реставрации старых порядков, пусть и в ином словесном облики. Да, в ходе Перестройки не удалось сразу же перейти к рынку (как известно, она длилась всего три года), но рынок, возникший при Ельцине, превратился в систему повальной коррупции и воровства, обогатившую тех, кто оказался близок к власти, и поставившую большинство населения на грань нищеты. Такого разрыва между богатством и бедностью после веков Средневековья не знает ни одно современное капиталистическое общество. Да и с демократией было не все в порядке. Ельцин не преследовал журналистов, это верно, но и не считал их своими политическими оппонентами, не очень прислушивался к их мнению. Те же, кто стали для него реальной оппозицией, расплатились за это 1993 годом, откуда, собственно, и начинается новый виток авторитаризма.

Собственный вклад Ельцина в политическую историю России состоял лишь в создании новой русской династии – династии преемников. На его совести и развал СССР, совершенный им не по воле народов (за исключением, возможно, только народов

Прибалтики), а по воле тех, кто рвался к власти в бывших республиках. Развал страны и был главной миной, заложенной Ельциным и его окружением под власть Горбачева, ибо после распада страны Горбачев как ее первый Президент, естественно, не мог оставаться у власти. Ничем другим, как мне кажется, они не руководствовались, подписывая Беловежские соглашения. Правда, еще остается вопрос, можно ли было сохранить СССР при полном отказе от всего социалистического и советского – этих двух «С» в аббревиатуре СССР, скреплявших собой Союз Республик? На каких еще соединительных звеньях этот Союз мог держаться? Развал Союза целиком на совести тех, кто объявил войну всему социалистическому. Но как случилось, что антикоммунист Ельцин привел Россию не к демократии и капитализму, а почти что к феодализму, возродив самовластие и клан олигархов? Его так и называли – «царем Борисом», видя в нем чуть ли не монарха, правящего страной посредством раздачи жирных кусков госсобственности тем, кто поддерживал его неограниченную власть. Берите, хватайте, но только повинуйтесь. Не удивительно, что раздача пряников должна была рано или поздно смениться кнутом, называемым вертикалью власти.

Сегодня политический либерализм отрицается многими с той же неистовостью, с какой отрицался социализм во времена Ельцина. И демократы должны, наконец, понять прямую связь между этими двумя отрицаниями. 2008 г., я думаю, войдет в нашу историю как радикальный отказ не от ельцинского периода, а от того, что сохранялось в нем от 1988 года - что было начато Перестройкой. Во всем остальном он прямое продолжение ельцинизма. Нельзя не увидеть прямой параллели между танками на улицах Праги, покончившими с «Пражской весной» и возвестившими о начале Брежневского застоя, и тем, что происходит сегодня и что впервые дало о себе знать в годы правления Ельцина. Первые симптомы нарождающегося авторитаризма появились именно тогда. Насаждая капитализм сверху, чуть ли не принудительными средствами, реформаторы ельцинского призыва даже не скрывали своей готовности пойти ради этого на определенные уступки в пользу персоналистской и авторитарной власти. Сегодня эти уступки обернулись отступлением от принципов демократии по всему фронту. Остается лишь надеяться, что за любым отрицанием следует отрицание отрицания.

Честно говоря, я никогда не считал истинными демократами тех, кто когда-то отказал Горбачеву в доверии. Многие, поддержав Ельцина, были не просто слепы, но и корыстны в своем желании власти, званий и чинов, известности и популярности, а то и личного обогащения. Среди тех, кто поучал когда-то страну по части любви к Ельцину, есть

и такие, кто горюет сегодня об утрате Россией имперского величия, призывает к насаждению в ней единомыслия и единоначалия, считает свободу и демократию «не русскими ценностями». Другие, конечно, поумнели, отдают себе отчет в том, что реально произошло и чему они сами, вольно или невольно, способствовали, но не понимают, что делать дальше. Горбачева уже не вернешь, а другого пока не видно на горизонте. Но тот, кто и сегодня считает себя демократом, должен, наконец, перестать вбивать клинья между либералами и социал-демократами, должен понять, что есть более серьезный противник – ультранационалисты и все те, кто мечтает о возрождении в России империи и единоличной формы правления. Окажись они у власти, не поздоровится ни правым, ни левым демократам. Мечтать об империи, возглавляемой каким-нибудь новоявленным «великим кормчим», конечно, никому не запретишь, но нельзя забывать, что именно подобные мечтания привели в XX веке Германию к фашизму, а нашу страну – к сталинизму.

Татьяна Ворожейкина *В 1988 году начинается осуществление политической реформы, то есть закладываются основы того процесса, который за два года полностью изменил страну*

1988-й год был действительно переломным в нашем российском, советском развитии. Один из таких переломов заключался в следующем. Если в 85-87-м годах Михаил Сергеевич Горбачев и достаточно узкий круг его сподвижников были, по сути дела, единственной движущей силой Перестройки, то именно в 88-м году происходит, на мой взгляд, пробуждение общества. Именно в 88-м году число сил и акторов, претендующих на самостоятельную роль (подчеркну это – самостоятельную роль) в процессе Перестройки, начинает стремительно расти.

В 1988 году по решению сверху начинается осуществление политической реформы, то есть закладываются основы того процесса, который за эти два года – 88-89-й – полностью изменил страну. Хочу напомнить, что таким важнейшим знаковым событием была в этом смысле XIX партийная конференция - то, что происходит на ней, и то, что происходит вокруг нее. В своих воспоминаниях А.С.Черняев пишет, что эта действительно историческая конференция «дала по морде и прессе, и интеллигенции», то есть тем, кто опрометью бросился в Перестройку и без кого она ни началась бы и ни продвинулась вперед. Отчасти это верно. Но мне кажется, что такая отрицательная оценка конференции в воспоминаниях как Анатолия Сергеевича Черняева, так и, скажем, Александра Николаевича Яковлева не вполне верна. Мне кажется, что наиболее важен был сам

факт публичной дискуссии в партии, состоявшейся впервые и впервые же ставшей достоянием общественного мнения. Прямая трансляция заседаний сняла с власти покров тайны, всегда составлявшей ее суть, поскольку тайна – это главный ресурс манипуляции общественным мнением.

Михаил Сергеевич Горбачев, последовательно раздвигавший рамки гласности и считавший ее своим союзником, сам стал объектом беспощадного прямого эфира, выявившего, на мой взгляд, его сильные и его слабые стороны. И, конечно, поворотным пунктом этой развилки является 89-й год. Именно в 89-м году терпит, на мой взгляд, поражение то, что единственно могло бы вывести страну за пределы траектории предшествующего развития - на развитие новое, демократическое, не только в политическом смысле, но и с точки зрения включения общества как решающей силы, определяющей те или иные исходы.

Я имею в виду наметившийся в предыдущие годы и не состоявшийся в 89-м году союз между реформаторской частью партийной номенклатуры и демократическим лагерем, который складывается к тому времени. В этом смысле Первый съезд народных депутатов, - очевидно для всех и публично, поскольку он также транслировался в прямом эфире, - обозначил раскол между Горбачевым и демократическими силами, представленными на съезде Межрегиональной депутатской группой.

Поэтому закономерен и важен вопрос: в чем причины этого раскола? В чем его причина и был ли он неизбежен? На мой взгляд, общие причины раскола коренились в стремительно нараставшем несоответствии глубины происходящих общественных сдвигов и субъективного восприятия этих изменений теми, кто их осуществлял. С моей точки зрения, в 87-88-м годах Михаил Сергеевич Горбачев потратил массу сил для того чтобы пробудить энергию народа в поддержку Перестройки. Когда эта энергия наконец пробудилась в 89-м году, Горбачев как лидер страны и партии оказался ни психологически, ни политически не готов иметь дело с самостоятельной инициативой, которая впервые была явлена на Первом съезде народных депутатов.

Как я это понимаю, Михаил Сергеевич искренне считал (это видно по его воспоминаниям), что демократическое движение должно было быть движением поддержки Перестройки. Оно не воспринималось как самостоятельная политическая сила. Между тем, 88-й и в особенности 89-й год были отмечены тем, что произошло становление самостоятельной общественной, демократической, политической силы, прежде всего, в крупных городах и, в первую

очередь, в Москве и Ленинграде. На мой взгляд, это стало главным итогом первых свободных выборов.

Вместе с тем демократические депутаты съезда явно переоценили в 89-м году свое влияние в стране. Большинство из них проживало за пределами Москвы, Ленинграда и нескольких других крупных центров. Настроения этого большинства все больше определялись ухудшавшимся экономическим положением, которое воспринималось как главный и отрицательный результат Перестройки. В этом смысле, я думаю, что Горбачев, действительно, вынужден был прислушиваться к консервативной части съезда. В результате съезд, который, по замыслам руководства страны и, прежде всего, самого Михаила Сергеевича Горбачева, должен был ускорить и углубить процесс демократического обновления и положить начало (об этом тогда прямо не говорилось, но фактически это было ясно) передаче власти от партии к Советам, не оправдал ничьих ожиданий. С одной стороны, как мне это представляется, увидев угрозу в позиции радикальных демократов, Горбачев с осени 89-го года начинает все больше, если не склоняться к союзу с консервативной частью номенклатуры, прислушиваться к их аргументациям.

С другой стороны, демократы – и, на мой взгляд, это роковая проблема и тоже проблема субъективного выбора, - разочарованные маневрами руководства и, прежде всего, Горбачева на съезде, идут на объединение с Ельциным. В этом союзе они занимают все более и более подчиненное положение, в то время как на первый план начинает выходить быстро переориентировавшаяся на Ельцина часть номенклатуры. Почему это произошло? Почему союз реформаторской части номенклатуры с демократическим общественным движением оказался столь непрочным? И почему потенциал этого движения (что еще более важный вопрос) не был использован для создания новых демократических институтов?

На мой взгляд, важнейшая причина этого заключалась в инструментальном отношении к демократическому движению со стороны, как Горбачева, так и радикальных демократов. Ни для тех, ни для других это движение не представляло самостоятельной ценности.

Как я уже сказала, Михаил Сергеевич относился к этому преимуществу как к силе поддержки. Лидеры же демократического лагеря рассматривали его как средство давления в их борьбе за доступ к рычагам власти. Политическую сферу (и это показали последующие события потом уже 91-93-го годов) они рассматривали, прежде всего, как сферу управления, а не участия. Демократам, если говорить прямо, важно было придти к тем рычагам власти, которые существовали в советской системе для того чтобы осуществлять

рыночный проект, который, по сути дела, ими воспринимался как со-институт проекта демократического. И фигура Ельцина, который становится в 89-90-м годах лидером демократического лагеря, весьма символична для этого спрямленного и очень упрощенного проекта.

В результате происходит растрата впустую колоссального, на мой взгляд, потенциала демократического движения 88-89-го годов. Выборы 89-90-го годов положили начало культуре участия, пусть очень слабой. Но очень быстро это новая политическая культура оказалась жертвой, с одной стороны, популистского персонализма Ельцина, а с другой стороны, того, что виделось как союз Горбачева с консервативной частью номенклатуры, направленный против усиления Ельцина.

На мой взгляд, вариант демократической трансформации советской системы, который бы опирался на союз реформаторской части номенклатуры и демократического движения, был вполне вероятен. То, что он не состоялся, связано не с историческим предопределением, не с отсутствием или слабостью демократического движения (хотя, несомненно, оно было слабым, тут можно привести массу аргументов), а с субъективной недостаточностью лидеров как реформаторской части номенклатуры, так и демократического движения.

Дело было в том, что логика сиюминутной политической целесообразности заставляла обе стороны использовать, в общем-то, советские средства политической борьбы, лишая тем самым возникавшие политические институты сколько-нибудь долговременной политической перспективы.

Вместе с тем важно сказать и о том, что можно было бы назвать объективными границами субъективного политического выбора. Почему те или иные лидеры и люди вели себя так, как вели, и какой в этом смысл? Потому что, повторяюсь, момент был ключевой. Мне кажется, что добрая воля и добрые намерения Горбачева, его стремление решать сложнейшие политические, экономические, национальные проблемы путем согласования интересов, путем поиска консенсуса, совершенно очевидно противоречили и противоречат до сих пор исторической традиции, доминирующей в стране.

Мы как страна гораздо более склонны решать проблемы сверху, разрубая гордиев узел. И в этом смысле Ельцин оказался гораздо более адекватен исторической традиции. Его решительность прекрасно вписывалась в эту традицию, усиливая тем самым зависимость страны от траектории предшествующего развития. То есть я хочу обратить внимание присутствующих: то, что представлялось демократам слабостью Горбачева, - а именно стремление к компромиссу, - было с точки зрения исторической

перспективы силой, потому что именно это и могло вывести страну на принципиально иной путь развития. То, что виделось силой Ельцина, - его решительность и провоцирование ситуации выбора, - оказалось слабостью, потому что это воспроизводило тот же самый тип взаимоотношений власти и общества.

Следует признать, что подлинное, хотя и нереализованное историческое обновление, - выход за пределы траектории предшествующего развития, за пределы исторической колеи, - в этом конфликте, конечно, представлял Горбачев, стремившийся создать конституционные механизмы, при которых отношения между социальными слоями и между людьми определяются не через кровопролитие, а через политику и право.

Важнейший урок этого периода – 1988-1989 – заключается в том, что без обновления социальных институтов, без возникновения разнообразных социальных интересов и учета этих интересов в политических движениях демократического обновления быть не может. В этом смысле заключается послание 1988-го в 2008-й. Именно в 2008 году происходят попытки структурировать оппозиционные силы как на условно правом фланге, так и на левом фланге. Я имею в виду Движение «Солидарность» и левый фронт, который складывается одновременно. Что мы видим? Мы видим, что на правом либеральном фланге – попытка создать чисто политическую либеральную силу, за которую соответствующим образом настроенные граждане будут вынуждены голосовать, потому что другой у них не будет. Грубо говоря, там нет не только социальной озабоченности, там нет озабоченности плюрализмом социальных интересов, которые выявились в обществе за это время.

С другой стороны, на левом фланге мы видим лозунг: долой частную собственность. Я спрашиваю себя: почему в начале XXI века наша страна обречена строить партийную систему по модели XIX века? Почему не происходит усвоения тех уроков, которые видны не только в Европе, но и в Латинской Америке? Я провела два месяца в Бразилии, в Сан-Пауло, и вижу, как, несмотря на все изъяны тамошней политической системы, она отличается от нашей одной важнейшей характеристикой: она проницаема для тех разнообразных интересов движений и организаций, которые складываются в обществе, в том числе, и в социальных низах общества. Воздействия этих интересов не избегают ни либеральные, ни центристские, ни левые силы.

Михаил Горбачев: *Перестройка оборвалась, но свою роль она выполнила. Потому что назад мы уже никогда не вернемся*

Придется ответить. Я ожидал, что выступление Татьяны Ворожейкиной будет интересным.

Конечно, толчки, которые мы ощутили в конце XX и начале XXI веков, идут из начального периода Октябрьской революции, когда встал вопрос о формировании нового государства. Естественно, раскол социал-демократов на меньшевиков и большевиков оказался очень тяжелым событием, которое привело впоследствии к большим и трагическим последствиям.

В связи с этим заблудились сами большевики, которые сначала утверждали, что пролетариат берет власть с помощью демократии и управляет страной с помощью демократии. Но уже летом 17-го года появляется «Государство и революция», ленинское учение о диктатуре пролетариата, которая ничем не ограничена и исходит только из революционной потребности и целесообразности. Демократические институты сразу начали попирается: когда произошли выборы, эсеры набрали почти в два раза больше голосов - тем не менее, власть, которую большевики уже реально взяли, они решили не отдавать. Поэтому последовал разгон Учредительного собрания. Я не буду касаться гражданской войны, в которую включились внешние силы, придавшие ситуации особую остроту и, по сути дела, заложившие основу для утверждения, что, собственно, удар нам нанесли извне. Гражданскую войну удалось остановить тогда, когда почувствовали, что среди рабочих, - не говоря уже о крестьянах, которые оказались в особенно тяжелой ситуации, - возникли протесты против новой власти. Тогда начались разговоры о частной торговле, частной собственности (пусть мелкой), о рынке, концессиях... Одновременно, поднимались вопросы о привлечении новых людей к управлению государством. Новая экономическая политика оказалась таким стимулом, что к 26-му году разрушенная страна, доведенная до крайности, достигла уровня 1913 года – самого высокого уровня в тогдашней истории российского государства.

Я думаю, что концепция НЭПа (она, кстати, подтвердилась везде в мире, где пошли этим путем) была бы полезной для нашей страны. Но приход Сталина к власти сорвал все - прежде всего, Сталин, практически, уничтожил всех, кто был за этот вариант.

Судьба семьи, в которой я вырос, прямо связана с теми событиями и решениями. Два мои деда были бедняками, потом стали середняками. Один из них во время коллективизации не пошел в колхоз, а другой – не только создавал колхозы и совхозы, но к 37-му году стал заведующим земельным отделом (самый большой и важный орган на селе).

Северный Кавказ был в зоне голода. В селе Привольное, где я родился и жил, 40% людей умерло от голода. До войны все мы, ребятишки (когда началась война, мне было десять с половиной лет), играли в войну и прятались в разоренных избах. Дед по линии отца, который оказался единоличником, должен был сеять (единоличникам давали задания, особенно по севам зерна). Дед не смог выполнить норму, потому что из шестерых детей трое умерли от голода. Сеять было нечем. Все, что пережевывалось, было съедено. За невыполнение этого задания его осудили и отправили на лесозаготовки в Сибирь.

Дед по линии матери будучи заведующим РАЙЗО (районный земельный отдел) был приговорен к расстрелу за связь с троцкизмом. У меня теперь есть копия его дела. Мне никогда в голову не приходило взять копию и выяснить, что же на самом деле с дедом было. Я верил ему, я знал его. От него я не слышал за всю жизнь ничего иного, кроме того, что Советская власть – наша власть, что если бы она нам не дала землю, мы бы все умерли (а он тринадцатилетним и еще четверо детей остались без отца, который умер). Дед многое пережил. Поэтому, конечно, он, человек, поднявшийся с земли и добившийся каких-то результатов, был за Советскую власть - целиком и полностью.

Февральский, мартовский Пленум ЦК КПСС «о перегибах» спас его. Как спас? Приговоры, расстрельные дела отдавались на заключение прокуратуры края. Пришло туда и его дело. Там посмотрели – обвинения ничего не стоят. Не нашли никакого преступления, - и его освободили. Но он выдержал четырнадцать месяцев пыток.

На этом примере я хочу показать, как складывался этот режим, этот строй. Кто-то пытается доказать, что он не был тоталитарным – как-то хотят его приукрасить. Некоторые называют Сталина выдающимся менеджером - он был «менеджером» по перемалыванию своего народа. Крестьянин – имел или не имел коров - 120 литров молока отдай, 20 килограммов мяса отдай государству, или сам иди - в виде туши. Ну, и, наконец, самый зверский закон Зверева, по которому: каждое плодовое дерево обложили налогом, и независимо от того, рождает это дерево в этот год или не рождает, - налог плати. Когда я закончил школу и собирался ехать в Москву поступать в университет, у меня не было паспорта - крестьяне не имели паспортов. Я поехал поступать в вуз по бумажке.

В то время, когда я шел учиться, еще была крестьянская страна. Главной частью народа (главной - по массиву и по тому, что она держала на своих плечах свою страну) было крестьянство. Армия,

которая выигрывала войну и которая легла костями - оправданно и неоправданно во многих случаях, - это тоже были крестьяне. Добрались мы до 1956-го года, когда, наконец, грянул XX съезд. Я - тогда уже после университета - был на партийной работе в Ставрополье и поэтому оказался в числе тех, кто ездил с написанными материалами разъяснять, что же решил по вопросу о культе личности XX съезд. Это был первый приступ – по-настоящему серьезный, острый. И он поколебал всё. Самое главное – отсюда начались все процессы, потому что не только у нас, но в мире поколебались взгляды на то, что такое социализм и коммунизм.

Я вспоминаю, что такое был 68-й год, когда я, будучи вторым секретарем крайкома партии, проводил заседание (Первый секретарь оказался в отпуске). Принимали решение о поддержке решения о вводе войск в Чехословакию. Из получаемых нами «красных книжек» создавалось впечатление, что вот-вот кто-то с Запада - из Германии, или из другой страны – войдет в Чехословакию и сделает новый аншлюс.

Через год я оказался в Чехословакии – в Праге, Брно, Словакии, в крестьянских районах. Отношение к Чехословакии у меня было самое лучшее, как и у всех нас. (У меня был друг Зденек Млынарж. Мы с ним дружили до конца его жизни. Успели с ним и книгу написать на основе наших разговоров). Только один факт - в Брно мы посетили военный завод «Сброевка». Партийный комитет был расколот. Одни – за ввод войск, другие – против. На предприятии стояли войска. Мы пошли по заводу. Я там впервые увидел картину, которая меня до глубины души потрясла: вдруг наши уважаемые и любимые чехи-словаки на заводе поворачиваются к нам спиной. Как только мы подходим – принципиально отворачиваются. И не то, что не хотят разговаривать – видеть не хотят. Кто-то постарался развесить бумажные портреты Ленина - тут же они в большинстве случаев были разорваны. Нас охраняли с винтовками. Мы наблюдали всю эту картину. Я пережил эту поездку тяжело: если ты честный человек, нельзя иначе реагировать.

Я думаю, что тогда мы подавили в Чехословакии то, что надо было делать всему нашему лагерю (как называлось всегда), ибо эти проблемы стояли везде. Надо было давать кислород для самостоятельности, для реализации интересов, для развития культурного и научного потенциала, накопленного в каждом из наших народов.

После этого в Советском Союзе началась политическая реакция. И во время ее было похоронено предложение Брежнева о проведении пленума по научно-техническому прогрессу, чтобы глядя на то, что происходит на Западе, заняться этими вопросами у нас. Их

разработкой занималась группа академика Иноземцева - мешок этих бумаг и доклад лежит сейчас где-то в архивах. (Я все это имел, поскольку занимался подготовкой доклада уже позже, в другое время.)

С того времени начался, я думаю, период неосталинизма. Не было репрессий, хотя борьба с диссидентством была жесткой. Скажем, таких массовых репрессий не было. Но ведь мы знаем, что было то, чего нельзя было допускать.

Поэтому Перестройка была необходима.

Солженицын говорил: всё погубила горбачевская гласность. Я не согласен ни с Солженицыным, ни со всеми теми, кто говорит, что было все хорошо, ничего не надо было делать. Это все болтовня. Это мнение тех, кто занимается политическими спекуляциями.

Давайте разбираться - пока у нас есть только попытки разобраться. Если бы не было гласности, могу со стопроцентной гарантией утверждать, что Александр Исаевич в Вермонте рубил бы дрова, заготавливал их на зиму, а я бы оставался Генеральным секретарем. Между прочим, я не из тех, кто всеми силами держится за власть. Я трижды делал попытки уйти из партийной сферы. И, получив огромную власть, начал с ее трансформации, начал передавать власть тем, кому она принадлежит, кто является ее источником. Но сколько раз от демократов (часть которых здесь присутствует) я слышал: Горбачев делает все, чтобы только удержаться у власти. Чепуха! Я бы и выборы такие не придумал, которые провели демократов в депутаты (Сахарова со второго захода сделали депутатом. Ельцина всякими путями - члены межрегиональной группы знают, какими - ввели в Верховный Совет). Поэтому утверждение, что Горбачев боролся за собственную власть – это дешевка. Говорить так – значит, вообще ничего не понимать.

Мы начали дело, которое развернуло страну к другим процессам. Перестройка оборвалась, но свою роль она выполнила. Потому что назад мы уже никогда не вернемся.

Я все время пекся об интеллигенции. Мне говорили: что вы носитесь со своей интеллигенцией?! Это говорил мне не один человек. Я отвечал: и я, и вы относимся к этому слою общества. Мы – часть интеллигенции. Но наша интеллигенция за годы Советской власти, известно, какой опыт имела, известно, как с ней обращались - и она к этому привыкла. Потом она начала пробуждаться - это имело огромное значение. Мы бы не дошли до той точки перемен, которые произошли, если бы интеллигенция не поддерживала политику Перестройки. Да, интеллигенция привела Бориса Николаевича Ельцина к власти. Потом она ему стала не нужна, и он от нее избавился. И подавляющее большинство представителей

интеллигенции, по сути дела, оказались за бортом властных органов и структур. Но это не научило их.

Надо было считаться с традициями (тут я подхожу к тезису Татьяны Ворожейкиной) - сегодня все чаще раздаются такие призывы. Человек из ближайшего окружения Дмитрия Анатольевича Медведева недавно высказался: Дмитрий Анатольевич не пойдет по пути Горбачева. Он твердо будет вести курс, не допуская слабости и т.д. Потому что наш народ такой, наши традиции таковы.

Да хватит клеветать на народ! Чтобы делать выводы, приходится разбираться очень глубоко. Если меняется климат, то и тогда надо разбираться, откуда все идет. А у нас - такая сложная история: 200 лет крепостного права, потом 70 лет коммунистического крепостного права. Все это нельзя сбросить со счетов. Этим объясняются многие тактические шаги Горбачева.

Да, пока есть поддержка людей, ошибки будут прощаться. Не все, но большинство просчетов будет прощаться, как это уже было не раз. Я помню, как прощалось и мне. До 90-го года мой рейтинг составлял 50-60%, следующим, вторым шел Борис Николаевич Ельцин - 12%. Но мы сами сделали ошибки и сошли на этой волне.

Тогда легко было с нами справиться.

Но я не думаю, что развал Союза - результат перестроечных лет, что это едва ли не закономерность, что так должно было быть, и Советский Союз был обречен. Нет.

Из случайных наблюдений, без знания истории, без понимания, как разворачиваются процессы - нельзя делать выводы. Поэтому надо рассуждать, спорить о ключевых периодах нашей истории. Мы говорим сегодня об трех датах «1968-й - 1988-й -2008-й» чтобы, оттолкнувшись от них, понять самое важное.

Павел Кудюкин: *Ни о каком сохранении так называемого социализма советского типа речь уже идти не могла*

В своем выступлении, я остановлюсь на двух вопроса. Первый из них - болезненный вопрос - о возможности вообще реформирования систем советского типа. Не в смысле, возможны были в них или невозможны реформы. Мы видели, что они проводились. А возможно ли было проводить такие реформы, которые не привели бы в результате к кардинальной смене характера системы

Действительно, есть некая идеалистическая постановка: мы сохраняем господство государственной собственности, ведущую роль компартии, но при этом каким-то непонятным чудом получаем некую демократию. Или же, действительно, реформы, раз начавшись, при последовательном своем

проведении неизбежно должны придти к грани, когда ставился вопрос о смене характера системы.

С моей точки зрения, ответ достаточно очевиден в современном мире, особенно в том мире, в той конфигурации, которую он получил, в том числе, в результате Перестройки, и «отпускания на свободу» восточноевропейских народов. Действительно, ни о каком сохранении так называемого социализма советского типа речь уже идти не могла. Ясно, что ему на смену должно было придти нечто иное. Вопрос в темпах, способах, в жесткости преобразований. Но опять-таки чем дальше шел процесс, тем меньше оставалось свободы маневра. Тоже очевидно, в том числе и из-за экономической ситуации и из-за тенденций в массовом сознании.

Это второй вопрос, на котором я хочу остановиться. Как раз развитие низового демократического движения очень хотелось бы назвать массовым. Но в России демократическое движение массовым так и не стало. Оно все-таки сохраняло очень верхушечный характер, хотя отчасти втянуло в себя представителей массовых слоев, прежде всего массовой нестатусной интеллигенции. Но ничего сопоставимого, конечно, с польской «Солидарностью», ни с чешским «Гражданским форумом» в России не было.

«Демократическая Россия», конечно, на порядок, а то и на два уступала им по массовости, по степени реального проникновения в толщу российского населения. В отличие отчасти от Украины, особенно ее западных регионов, тем более Прибалтики, где импульс демократического развития подкреплялся еще национальной идеей, которая находилась в весьма сложных отношениях с идеей демократической и подчас норовила ее подавить или придавить.

Стимул, предпосылки для возникновения относительно, по российским масштабам, широкого демократического движения, конечно, возникли во второй половине 86-го года. Здесь, наверное, решающим моментом было возвращение академика Сахарова из горьковской ссылки и начало освобождения политзаключенных. Но это не было полной политической амнистией, и уж, тем более, не реабилитацией. Освобождаемых политзаключенных не то чтобы принуждали, но настойчиво уговаривали подписать некие формальные, но все же достаточно унижительные заявления. Примерно в тот же период – со второй половины 86-го года – начинается «утробный», клубный период развития общественно-политического движения, которое в очень ускоренном темпе повторяло на самом деле то движение общественной мысли, которое проходило в диссидентских кругах, - от идей истинного социализма и возврата к Ленину к разочарованию в них.

Очень многие в своих воспоминаниях признают, что был такой период. Он рано или поздно проходил у большинства. Новое демократическое движение ускоренно проходило примерно тот же путь: сначала некий истинный социализм, возврат к Ленину, а потом для значительной части - разочарование в социалистической идее как таковой с ее радикальным отбрасыванием в противоположную сторону: рынок сам по себе, своей невидимой рукой все расставит по местам, и всем станет хорошо.

88-й год означал принципиальный сдвиг. Потому что из утробной стадии это новое демократическое движение перешло в стадию уличную и, действительно, резко нарастило свою массовость. Хотя опять-таки речь для России в лучшем случае шла о десятках тысяч участниках, что для почти 150-миллионной страны чрезвычайно мало. Хотя, если вспомнить, в какой асфальт нас, общество, закатывали до тех пор, удивительно, что появились и эти десятки тысяч человек.

Одним из толчков, и это тоже несколько парадоксально, стали выборы на XIX партийную конференцию. Первые достаточно массовые митинги. Первые всполохи будущих так называемых муниципальных революций, которые развернулись на рубеже 88-89-го годов в целом ряде крупных городов, когда в результате массовых митингов менялось партийное руководство. Это относится именно к весне – началу лета 88-го года, когда попытки партийного аппарата жестко контролировать и манипулировать выборами вызвали естественное возмущение. В обществе начало просыпаться чувство собственного достоинства.

Это очень интересный момент: новое демократическое движение как бы проскочило некоторые естественные стадии своего развития. И в этом, может быть, была его слабость. Оно сразу и стремительно политизировалось, почти не задержавшись на стадии защиты социально-групповых интересов. Даже рабочее движение в России вроде бы в 89-м году зародилось в связи с шахтерскими забастовками, но опять-таки очень быстро оформилось как движение, прежде всего, политическое. Независимые новые профсоюзы, которые начали возникать на рубеже 88-89-го годов, остались достаточно маргинальным явлением в этом общедемократическом потоке. Естественно, вовлечение в движение людей, которые раньше в политике не участвовали, в лучшем случае ей интересовались, приводило, с одной стороны, к крайней идеологизированности политического движения (причем идеологии очень быстро менялись), к легкой податливости этих политических неопитов на разного рода манипуляции и моды. С другой стороны, это приводило к поверхностному характеру политизации, к очень упрощенному представлению о сложных политических вопросах.

Действительно, даже в 91-м году подавляющее большинство участников демократического движения были убеждены, что демократия – это когда у власти стоят главные демократы. Мы знаем, кто тогда считался главным демократом. И те участники демократического движения, которые пытались поднять голос против такого примитивного понимания демократии, подвергались в демократической среде подчас остракизму.

С этим связана тоже очень интересная проблема отношения нового демократического движения к проблеме социализма. Я прекрасно помню, какие дебаты шли в оргкомитете Московского народного фронта в июне 88-го года: должно ли в программных документах Московского народного фронта содержаться слова – в поддержку социализма, за социализм. И парадоксально, что как раз наиболее последовательно социалистические, сознательно социалистические группы, участвовавшие в создании МНФ, как раз выступали против слова социализм в его программах. Община – говорили убежденные анархосиндикалисты, демократическая перестройка – убежденные социал-демократы.

Я тогда писал статью в журнале Клуба «Демократическая перестройка» о демократии и социализме. Это был мини-трактат на злобу дня, где я говорил о том, что вредно говорить о поддержке социализма, потому что он - то ли будет, то ли нет, а задача борьбы за демократию – реальна и первостепенна.

Для одних это была некая тактическая уловка. Мы говорим, что мы за социализм, нас не будут особенно гнобить. Или, с другой стороны, искренняя вера. И потом, кстати, многие из тех, кто яростно боролся за слово «социализм» в документах Московского народного фронта, стали столь же яркими антисоциалистами в рядах «Демократической России».

Эта политическая наивность демократического движения, конечно, внесла свою лепту в то, что не удалось найти общего языка с системными реформаторами. Хотя, должен сказать, что эта относительная немногочисленность, слабость и политическая наивность демократического движения вызывали ведь и встречное, весьма скептическое отношение.

Я прекрасно помню историческую фразу Александра Николаевича Яковлева по поводу идеи Круглого стола: «Какой Круглый стол, кого?! Облако в штанах с облаком без штанов?!». Было же это сказано. И было сказано весьма ошибочно, потому что даже такое, не слишком многочисленное и слабое демократическое движение все-таки сумело произвести весьма сильное влияние на политический процесс. Не всегда позитивный. Мы теперь это знаем, оценивая задним числом. И чрезмерный радикализм нас подводил, и недостаток реализма.

Известно: если заранее знать, соломку всегда подложить можно. Но этого не дано людям, как правило.

Еще одна важная проблема. Движение не успело вырастить из своих рядов собственных лидеров. Это потом сказывалось в партийном строительстве 90-х годов, - постоянное стремление найти варягов, найти толстые эполеты. Помните рассуждения в декабристской среде накануне Декабрьского восстания: вот нам бы толстых эполетов на площадь вывести - где их найти? И отсюда такая радость: обрели – Борис Николаевич Ельцин. Притом, что наиболее политически грамотные участники демократического движения прекрасно понимали: более чем условность демократизма Бориса Николаевича. И опасность этого вождизма.

Это то, что существенно отличало российское демократическое движение, скажем, от демократического движения в странах Центральной и Восточной Европы. Конечно, у нас был Андрей Дмитриевич Сахаров. Но он очень не вовремя умер... Кроме того мейнстрим советской оппозиции состоял в том, что правозащитное движение сознательно в массе своей дистанцировалось от собственно политических вопросов – в отличие от Польши, Чехии, Венгрии. Это тоже одна из причин слабости нового демократического движения.

По большому счету мы, наверное, проиграли эту битву за демократию в России. Надеюсь, не окончательно. Скорее всего, нам просто рано или поздно придется вновь проходить этот путь, надеюсь, без повторения старых ошибок.

Александр Аузан : *Снова возникли структурная неопределенность, непредсказуемость будущего*

1968 год - это мировой тектонический разлом. Он прошел практически через весь мир. Да, он по-разному выразился, вылился в Париже, Сан-Франциско, Праге, Москве, Пекине. Но этот разлом произошел и это был ценностный сдвиг. Так закончился первый период послевоенной истории, а сейчас заканчивается второй. 2008-й год обозначил исторический рубеж, как в свое время 1968 год. Поэтому меня немножко удивляет, что мы пытаемся обсуждать ностальгически и чуть-чуть локально то, что происходит, в то время, как сама тема активизировалась. Например, вопрос о мировом правительстве снова стоит на повестке дня, причем как практический вопрос.

Самую страшную развилку кризиса мы прошли в сентябре. Не будет гибели мировой финансовой системы. Это означает, что хуже, чем великая депрессия, уже не будет. Следующая развилка – либо срочно строится новая система не только экономических, но и политических правил, ибо нельзя сейчас построить систему

экономических институтов, не меняя мировую систему политических институтов, это будет абсолютно неэффективно. И тогда спасение в мировом кризисе идет совместное.

Либо каждый спасается поодиночке, за счет другого. И хочу сказать честно, насколько я знаю, все правительства готовятся и к тому, и к другому варианту.

Как нам срочно переустроить этот самый мир, возможно ли это? Это вопрос о ценностях, но это кризис ценностей. Он теперь носит открытый характер.

Я в принципе согласен с тем, что колея российской истории опять замкнулась. Опять всё, как по Николаю Бердяеву. Между февралем и октябрём 1917 года перед изумленным русским взглядом парадом прошли все возможные партии и идеи. И что же выбрал русский человек? То, что имел. Царя и державу. Но это происходит в момент, когда в мире пошла подвижка, и неопределенность возрастает. Потому что и кризис идет совершенно другими путями. Снова возникли структурная неопределенность, непредсказуемость будущего. И, может быть, это даже более сильный вызов, чем угроза возвращения в колею.

Есть сквозные исторические проблемы. Например, мы понимаем, что был высокий всплеск общественной активности Перестройки, и потом это всё уходило, уходило и почти ушло. Уже сухие пески. Но давайте посмотрим, что происходило на Западе, что пишет, например, Фукуяма об изменении структуры социального капитала. Да, есть активность, есть доверие, но общество разошлось на мелкие кружки цветоводов. Там тоже эта река разлилась и перестала давить на власть, влиять на бизнес так, как это было раньше. Это общая проблема.

На мой взгляд, социальный капитал не может концентрироваться, если не решаются вопросы ценностей. Потому что очень легко объединяться со своими. Почти невозможно объединяться с другими, с разными. На мой взгляд, развитие социального капитала в эту сторону, когда разные начинают доверять друг другу и разговаривать, возможно только в том случае, если работает такой фактор, как ценности.

Предстоит период конкуренции ценностей и создание новых, позитивно работающих для мира мифологем, и в этом, мне кажется, состоит работа интеллектуалов.

Заключительное слово

Михаил Горбачев:

Было бы хорошо завершить нашу дискуссию так: мы всё сможем. У нас есть интеллектуальный потенциал, мы способны переварить всё, что пережили за все эти «восьмёрочные» годы - и не только за это время.

Но важно, чтобы наши идеи вышли в круги политические и общественные. Чтобы общество по-настоящему серьезно озаботилось вопросами - как дальше будем жить, что будем делать сейчас? Я уже два года говорю об этом. Обобщаю настроения людей и вижу, что во всем мире усиливаются настроения приближающейся смуты, беды. Откуда они возникают у самых разных людей? - Наверное, из общения с теми, кто размышляет.

Нам нужна свобода, демократия, диалог между государством и обществом, между гражданскими институтами и бизнесом. Нельзя уповать на то, что какая-то сверхличность, или удар сверху помогут нам разрешить наши проблемы. Никто нас не спасет – ни Бог, ни царь, ни герой – только мы сами.

К согласию приходиться трудно. Но мы можем ставить вопросы и пытаться отвечать на них.